

ПОСЛЕДСТВИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОТЯСЕНИЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ ПОТОМКОВ

Мосунова Ксения Александровна

Международный институт информатики, управления,
экономики и права;
АНО ДПО «Институт психотерапии и клинической
психологии», г. Москва
k.gubina.rod@mail.ru

THE CONSEQUENCES OF HISTORICAL UPHEAVALS AND THEIR IMPACT ON THE EVERYDAY LIFE OF DESCENDANTS

K. Mosunova

Summary: The aim of this study is to identify and understand the mechanisms of trauma transmission from participants of military conflicts and crises to their offspring. *Methods:* This article employed various research methods, including literature analysis, comparison and juxtaposition of different approaches, as well as synthesis and generalization. *Results:* Different historical events that occurred across vast geographical distances, including the Spanish Civil War, the Holocaust, the Vietnam War, and apartheid in South Africa, were examined to trace the impact of these events on the psychological dynamics of families and society as a whole. *Conclusions:* It is crucial to conduct research on a broader geographical and cultural basis to identify common and unique features of trauma transmission among different nations and communities.

In general, understanding the psychological consequences and mechanisms of trauma transmission holds great importance in building a more conscious, supportive, and healing society, capable of addressing past wounds and creating a healthy future for the generations to come.

Keywords: historical upheavals, the consequences of historical upheavals, the daily life of descendants, the impact of historical events on the fate of people, the mechanism of transmission of trauma.

Аннотация: Целью данной работы является выявление и понимание механизмов передачи травмы от участников военных конфликтов и кризисов на их потомков. *Методы:* во время работы над статьей использовались такие методы, как: анализ литературы, метод сравнения и сопоставления различных подходов, методы обобщения и синтеза. *Результаты:* Рассмотрены различные исторические события, происходившие на большом географическом удалении друг от друга, включая Испанскую Гражданскую войну, Холокост, Вьетнамскую войну и апартеид в Южной Африке для прослеживания влияния этих событий на психологическую динамику семей и общества в целом. *Выводы:* важно проводить исследования на более широкой географической и культурной основе, чтобы выявить общие и уникальные черты передачи травмы между различными народами и сообществами.

В целом, понимание психологических последствий и механизмов передачи травмы имеет большое значение для создания более осознанного, поддерживающего и исцеляющего общества, которое может помочь лечить раны прошлого и создавать здоровое будущее для следующих поколений.

Ключевые слова: исторические потрясения, последствия исторических потрясений, повседневная жизнь потомков, влияние исторических событий на судьбы людей, механизм передачи травмы.

Введение

Тема последствий исторических потрясений и их влияние на повседневную жизнь потомков, привлекает все большее внимание исследователей и практиков в области психологии и психотерапии. В течение истории человечества, войны и кризисы стали трагическими событиями, оказывающими глубокое влияние на жизнь миллионов людей. Однако, помимо видимых физических разрушений и потерь, такие события оставляют невидимые психологические раны, которые затрагивают не только участников событий, но и передаются на последующие поколения.

Изучение психологических последствий войн и кризисов на поколения становится все более актуальным в современном обществе, особенно в контексте продолжающихся вооруженных конфликтов и мировых кризисов. Понимание того, как травматические события влияют на психологическое благополучие и формируют

особенности поведения и ментальность последующих поколений, поможет разработать эффективные методы поддержки и реабилитации для пострадавших и их потомков.

Целью исследования является выявление и понимание механизмов передачи травмы от участников военных конфликтов и кризисов на их потомков.

Задачи исследования:

1. рассмотреть различные исторические события и их влияние на психологическую динамику семей и обществ в целом,
2. описать механизмы передачи травмы, выделенные различными учеными,
3. сделать выводы о важности исследования последствий исторических потрясений для преодоления негативных последствий травматических событий.

Исследование этих вопросов позволит получить более полное представление о сложных психологических процессах, которые связывают опыт травмы прошлого с восприятием и поведением новых поколений.

Анн Анселин Шутценбергер, изучая тему «передачи» психических и физических травм от поколения к поколению [8], внесла понятие «трансгенерационный страх». Одним из примеров, иллюстрирующих этот процесс, является травматизм, связанный с «ветром пушечных ядер», происходившим во время отступления из России войсками Наполеона в 1812 году.

Солдаты, пережившие ужасы смерти своих товарищей во время отступления, испытывали страх, когда чувствовали дуновение ветра от пушечных ядер, уносящих жизни их сослуживцев. Это травматическое переживание приводило к шоку и различным реакциям у них самих, некоторые теряли память, другие испытывали страх и ощущение холода в душе. Удивительно, что эти эмоциональные следствия передались и некоторым их потомкам. В их жизни проявлялись симптомы, такие как холод до костей, недомогание, тревога, спазмы в горле и кошмары.

Этот пример не только подчеркивает важность понимания механизмов передачи травмы на поколения, но также подтверждает, что травматические события прошлого могут оказывать длительное влияние на психологическое благополучие и поведение семей на протяжении нескольких поколений. Эти исторические сюжеты вносят ценный вклад в наше понимание наследственных следствий травматических событий и их воздействия на личную идентичность и отношения внутри семейных структур.

Сложность насыщенного историческими потрясениями XX века во многом воздействует на наше общество и сейчас. В рамках статьи рассмотрим различные исторические события, происходившие на большом географическом удалении друг от друга, включая Испанскую Гражданскую войну, Холокост, Вьетнамскую войну и апартеид в Южной Африке, чтобы прояснить, как эти события повлияли на психологическую динамику семей и обществ в целом. Считаю, что это особенно важно, чтобы подчеркнуть универсальность феномена, острую важность его в российском обществе и необходимость проведения подобных исследований на российском материале.

Методы

В процессе написания статьи проводился анализ литературы, что позволило автору определить актуальность темы, выявить основные проблемы и направления исследований, а также определить ключевые источники

для дальнейшего изучения. Применялись методы сравнения и сопоставления различных подходов, методов и результатов исследований по изучаемой теме. Использовались методы обобщения и синтеза для создания целостного представления о теме исследования.

Результаты исследования

Испанская Гражданская война (1936-1939) была кровопролитным конфликтом между националистическими и республиканскими силами, оставившим глубокий след в истории Испании. Война, сопровождавшаяся насилием и репрессиями, с последовавшими за ней десятилетиями фашистской диктатуры, стала катализатором для психологических травм участников и жертв, оставив непоправимые психические раны у множества семей.

Исследования [2; 4] показывают, что травматический опыт во время войны может передаваться от одного поколения к другому через различные механизмы. Выжившие жертвы и участники диктаторского режима могут переживать сильные чувства вины, страха и травматических воспоминаний, которые, в свою очередь, могут влиять на их отношения с детьми и внуками.

Механизмы передачи травмы включают идентификацию, когда потомки воспринимают опыт своих родителей или дедов как свой собственный, и трансгенерационную передачу, когда определенные травматические события повторяются в поведении и отношениях потомков. Также важную роль играет механизм трансгенерационного травматического пространства, когда страхи и травмы прошлого передаются через культурные и семейные нормы.

Примеры семей, переживших Испанскую Гражданскую войну, показывают глубину влияния травмы на последующие поколения.

Внучка человека, убитого фашистами в Гражданской войне в Испании: «Моя мама очень агрессивна. Кажется, что как жертва у нее есть право мстить». «Я была мамой своей сироте мамы». «У меня нет биологических детей. Мне интересно, прерву ли я эту трагедию» [17].

Уже другая внучка человека, убитого фашистами в Гражданской войне в Испании: «В моем городке многие сироты – дети убитых в войне – выходили замуж за людей праворадикальных взглядов или представителей победившей стороны» [17]. Один из множества случаев союзов между жертвами и агрессорами. Возможный синдром Стокгольмского синдрома.

Холокост остается одной из самых жутких глав в истории человечества. Миллионы невинных людей, в основном евреев, стали жертвами систематического геноцида

нацистским режимом во время Второй мировой войны. Ужасы концентрационных лагерей, массовые расстрелы и преследования стали незабываемым историческим травматическим опытом.

Психологические последствия Холокоста затрагивают как выживших, так и их потомков. Выжившие пережили невыразимую травму, испытывая смертельный страх, потерю близких и непередаваемую боль. Этот травматический опыт стал частью их личностной идентичности и оставил долгосрочные следы на их психическом здоровье.

Травмы Холокоста могут быть переданы на потомков различными механизмами. Исследования [3; 6] показывают, что выжившие могут проявлять особый стиль родительства, включающий излишнюю защиту, сильное стремление сохранить еврейскую идентичность и страх за будущее своих детей. Эти механизмы передачи травмы могут влиять на развитие личности и ментальное благополучие потомков.

Травмы Холокоста оказывают значительное влияние на личную идентичность потомков. Они могут испытывать чувство наследственной вины, даже не имея личного опыта Холокоста. Это ощущение наследственной травмы может повлиять на их отношения, включая близкие семейные связи.

Взрослые потомки Холокоста также могут сталкиваться с сложностью прояснения своей личной идентичности, балансируя между желанием сохранить свою культурную идентичность и избежать страха и вины, связанных с прошлым. Это влияние наследственной травмы может привести к конфликтам и сложностям в семейных отношениях.

Розенталь и Вольтер обнаружили сходства между семьями евреев и нацистов: блокирование информации о семейном прошлом, проявления прошлого через фантазии и психосоматические реакции, страх перед осмыслением, чувства вины и нарушенный процесс самостоятельности [7]. В обеих группах молчание было наиболее эффективным способом передачи травмы. В семьях жертв из-за отсутствия информации возникают фантазии о том, что они являются активными агентами. В семьях агрессоров существуют фантазии о том, что они являются пассивными жертвами.

Если рассматривать вьетнамскую войну, которая шла с 1955 по 1975 год, то можно сказать, что она также оставила глубокие раны на ментальном и эмоциональном состоянии участников войны. Ветераны сталкивались с ужасами боевых действий, потерей товарищей и посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Эти травматические опыты могут оказать влияние на их по-

ведение и отношения с семьей [1].

Дети участников Вьетнамской войны могут быть свидетелями травматических последствий войны у своих родителей. Они могут наблюдать выражение эмоциональной боли, агрессивное поведение или эмоциональное отчуждение у своих отцов и матерей, которые пережили ужасы войны. Эти дети часто испытывают непонимание и страх, не зная, как помочь своим родителям или как справиться с собственными эмоциями.

Примером наследственной травмы от Вьетнамской войны может служить семья ветерана, который после возвращения с войны стал замкнутым и невыразительным. Его дети могут испытывать чувство отчуждения и неспособности понять, что происходит с их отцом. В свою очередь, это может повлиять на их собственные отношения и способность устанавливать эмоциональные связи.

Еще одним примером может быть семья, где участник войны мучается посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). В этом случае дети могут часто сталкиваться с нарушенным поведением родителя, агрессией или переживать тревогу из-за неопределенности и нестабильности домашней обстановки.

Исследование влияния Вьетнамской войны на потомков помогает ученым понять механизмы передачи травмы и разрабатывать подходы к помощи семьям ветеранов для преодоления негативного воздействия военного опыта и обеспечения психологической поддержки для будущих поколений.

Апартеид в Южной Африке, который продолжался с 1948 по 1994 годы, оставил глубокие психологические последствия как у тех, кто прямо участвовал в этой системе, так и у их потомков. Участники апартеида, которые поддерживали и применяли систему расовой дискриминации, могли испытывать чувство вины, стыда и даже травму от участия в таком жестоком режиме.

У потомков участников апартеида также возникает наследственная травма, передаваемая через поколения, что проявляется в форме тревожности, депрессии, чувства неполноценности и сложности в установлении здоровых межличностных отношений [5].

Апартеид также повлиял на отношения внутри семей и в обществе в целом. Разделение на расовые группы создало напряженную атмосферу, расколы и конфликты. Семьи могли быть разделены из-за разных расовых принадлежностей, что приводило к разрыву связей и утрате членов семьи. Общество ощущало разрушительные последствия апартеида. Расовое неравенство и дискриминация привели к глубоким социальным разделениям и

недоверию между разными расовыми группами.

Ученые выделяют различные механизмы передачи травмы. Например, Энчароф [9] выделяет четыре механизма: молчание, чрезмерное откровение, идентификация и повторение.

1. Молчание. Оно на социальном уровне и, возможно, в семьях, является наиболее распространенным способом передачи войны. Выжившие могут быть нестабильными и взрывоопасными, неспособными объяснить, что происходит. Они чувствуют вину за то, что подвергают своих близких этому, и могут изолироваться, чувствовать эмоциональную оцепенелость и неспособность связаться с детьми. Дети могут испытывать те же чувства вины.

Розенталь и Вольтер в своей статье отмечают: «Молчание и семейные тайны, а также семейные мифы являются одними из самых эффективных механизмов обеспечения непрерывности влияния проблематичного семейного прошлого. Это верно для семей выживших, агрессоров и приверженцев нацистов» [18].

Молчание передает нормы, мифы и метасообщения, которые не подлежат опростоволошению. Выжившие могут тонко намекать, что не стоит задавать вопросы. Молчание заполняется фантазиями потомков. Молчание изолирует выживших и затрудняет их процесс справления с горем.

2. Чрезмерное откровение. Полное открытое общение об опыте может облегчить чувство изоляции у жертвы, но может также вызвать травматизацию у семей и у людей, не готовых поделить опытом. Несколько авторов также говорят о травматизации терапевтов, работающих с этими темами.

Также стрессовым для потомков является слушать детали, выраженные без эмоций, с элементом деперсонализации, «как в фильме».

Родители должны передать свой опыт. Как это влияет на детей, зависит от того, насколько родители интегрировали свою травму в момент рассказа. Сложно слушать о боли и страхе, пережитых людьми, от которых дети черпают свою безопасность. Многие дети и внуки отказываются узнавать детали травмы или истории. Хорошей целью является достижение контроля со стороны рассказчиков, стараясь адаптировать свое открытие к потребностям потомков.

3. Идентификация. Дети часто стремятся чувствовать себя ответственными за стресс своих родителей. Они думают, что если бы они были достаточно хороши, их родители бы не чувствовали себя плохо. Даниели [10]

рассказывает, как многие дети Холокоста сознательно и бессознательно поглощают опыт своих родителей в Холокосте в своей собственной жизни. Они могут видеть кошмары о нахождении в концентрационных лагерях. Многие внутренне усваивают часть личности умерших.

Дж. Кестембеер [14] вводит термин «транспозиция» для описания тенденции потомков Холокоста жить в прошлом, погружаясь в фантазии о Холокосте.

4. Повторение. Выжившие и их потомки могут многократно символически повторять травму. Люди, близкие к травме, могут начать мыслить, чувствовать и вести себя так, словно они сами были подвергнуты травме или стали агрессорами.

Повторение, как отмечает Н. Weinberg может рассматриваться как тенденция, которую можно наблюдать в группах, переживших травму [22], к повторению треугольника «жертва-агрессор-бессильный свидетель» или иных ролей, связанных с травмой, при этом оказывая давление на координаторов группы, чтобы они также приняли эти роли, через идентификацию и проекцию. Опыт жертвы предполагает пассивную позицию и бессильность. По мнению А. Миллера, агрессивность жертвы может быть направлена на козлов отпущения, например, на собственных детей [16].

Розенталь и Вольтер обнаружили сходства между семьями евреев и нацистов: блокирование информации о семейном прошлом, проявления прошлого через фантазии и психосоматические реакции, страх перед осмыслением, чувства вины и нарушенный процесс самостоятельности. В обеих группах молчание было наиболее эффективным способом передачи травмы [18]. В семьях жертв из-за отсутствия информации возникают фантазии о том, что они являются активными агентами. В семьях агрессоров существуют фантазии о том, что они являются пассивными жертвами.

Обратимся к мнению Даниэли [10], который описывает четыре типа адаптации семей, выживших: семьи-борцы, семьи-жертвы, семьи-анестезии и семьи агрессоров.

Психологические последствия травмы угрожают трем основным аспектам жизни: мир благосклонен; мир имеет смысл; собственное "Я" ценно.

Во времена апартеида в Южной Африке солдаты Кувута говорили о удовольствии, получаемых от убийств. «В течение дня ты должен убить еще одного человека, чтобы почувствовать адреналин в крови». «Ты становишься наркоманом, не можешь жить без этого» [21].

Они с ностальгией рассказывают о том, как описывали последнее убийство в баре с друзьями и знали, что

выжили. Между смертями они говорят о депрессивных чувствах: «единственный способ перестать так плохо себя чувствовать - новая смерть. Но так как это становится нормальным, нужно еще больше, она должна быть еще ужаснее».

Г. Хардтманн [12] пишет о нацистах после войны: поверженных, виноватых, стыдящихся и с низкой самооценкой. Эти чувства они скрывают за реактивной надменностью. Также они могут проецировать вину на других в виде преследователя, в некоторых случаях это может быть их собственный ребенок. Во многих случаях дети, идентифицируясь с родителями, развивают чувства вины и стыда. Когда дети становятся объектом негативных проекций, они видят себя как евреев своих родителей.

Позднее автор описывает, как молчание стало способом, которым родители обращались к своему нацистскому прошлому при общении с детьми. Это подрывало доверие детей к межличностным отношениям. Кроме того, дети должны были заполнять пустоту информации о прошлом своих родителей во время войны. Они создавали призрачных родителей, чтобы удовлетворить свою потребность в почтении к отцу. Это отсутствие самоуважения со стороны преступников передается второму и третьему поколению.

Отметим еще несколько психологических феноменов, связанных с последствиями исторических потрясений и их влиянием на повседневную жизнь потомков.

Например, Ч. Шатан [20] говорит о замороженном трауре – невозможности выживших испытывать какие-либо эмоции, особенно относительно своих потерь. Это своего рода эмоциональное онемение. Такие люди могут описывать факты о потере без сопровождающей их грусти. Автор считает это защитной реакцией на чрезвычайную боль.

Е. Хантер-Кинг говорит о психологических последствиях, проявившихся в семьях пропавших во Вьетнаме спустя 25 лет. Дети пропавших говорят: «Было бы лучше, если бы тело моего отца вернулось. По крайней мере, был бы какой-то конец. На каждое значимое событие наваливается боль, так как мне не хватает отца рядом. Мне трудно отпустить это, потому что это незавершенная тема» [13].

Другим наблюдаемым явлением у выживших является чувство вины за выживание. Выживание может восприниматься как неблагодарность перед умершими [15]. Чувство «нам нужно было умереть» может лежать в основе большого числа самоубийств евреев, переживших концентрационные лагеря.

А. Шутценбергер говорит, что «вина выжившего в случае возвращения товарища из концентрационного лагеря или из войны, в то время как все его друзья умерли» [19]. Таким образом, выжившие могут также оставить эмоциональные следы у своих потомков. Также описывается, как травматический шок от смерти может передаваться потомкам в виде кошмаров, заболеваний или тревоги. Это было описано хирургами Наполеона во время отступления из России.

Освобожденные из плена солдаты, а также позднее найденные после войны во Вьетнаме пропавшие, также испытывали чувство вины за выживание. Это чувство вины за выживание может передаваться детям.

Имеет место и синдром замены ребенка. Выжившие могут нуждаться в том, чтобы не закрывать свое горе в качестве свидетельства преступлений.

Энчароф описывает явление родительской роли у детей жертв. Они принимают роль опекуна и защитника своих родителей. Часто встречается у потомков нашей войны [9]. Также синдром упоминается у детей ветеранов Вьетнама или детей южноафриканцев. Дочь сироты в результате репрессий в войне сказала: «Я больше была матерью своей матери, чем ее дочерью» [21].

И. Фельсен описывает отношение, которое он называет «спасателем», которое часто присутствует у потомков жертв [11]. В исследовании потомков Холокоста он обнаружил, что 20% из них работали в психическом здравоохранении, в сравнении с 12% в общем населении.

Часто наблюдается идеализация умерших, что может вызывать проблемы у потомков. Двое детей пропавших солдат во Вьетнаме говорят: «Моя мать и другие родственники поставили моего отца на пьедестал. Когда ты вырастаешь, никакой друг или даже ты не сравнится с этим богом». «У меня были проблемы с отцовской ролью. Я идеализировал своего отца до такой степени, что было трудно жить с этим образом» [13].

Можно услышать от потомков, репрессированных в гражданской войне, выражающих чувства стыда, противоречиво связанные с тем, что их отец был арестован и убит. Это явление аналогично вине жертв насилия в семье.

Итак, травматический опыт может передаваться между поколениями через различные механизмы, такие как семейные мифы, секреты, безмолвие и поведенческие шаблоны. Дети и внуки выживших или агрессоров могут непосредственно или косвенно испытывать влияние травмы своих предков.

Одним из механизмов передачи травмы является секретность или молчание в семье, когда родители или близкие родственники не говорят о своем травматическом опыте. Это создает пустоту информации, которую дети и внуки могут заполнять своими фантазиями или ощущением, что они должны нечто скрывать, и не задавать вопросов.

Также важным механизмом передачи травмы является идентификация с предками. Дети могут непосредственно или косвенно впитывать опыт и эмоции своих родителей или бабушек и дедушек. Это может проявляться в желании детей повторить опыт или роль своих предков, чувствах вины, страхе или даже развитии похожих патологических шаблонов поведения.

Травма также может передаваться через непосредственное восприятие симптомов и эмоций родителей или близких родственников. Дети могут реагировать на эмоциональные выражения своих родителей и воспринимать их опыт как свой собственный.

Передача травмы между поколениями играет важную роль в психологическом благополучии семьи. Опыт, связанный с травмой, может оказывать глубокое влияние на личностное развитие потомков. Эмоциональные реакции и психические симптомы, передаваемые от одного поколения к другому, могут повлиять на способность семьи функционировать и адаптироваться к жизненным событиям. Передача травмы также может влиять на способность семейных членов устанавливать здоровые отношения и поддерживать психологическое благополучие.

Понимание механизмов передачи травмы и её влияния на семью может помочь в разработке подходящих стратегий лечения и поддержки для семей, сталкивающихся с этими сложными вопросами. Психотерапевты и специалисты в области психологии семьи могут помочь семьям разрешить неразрешенные проблемы и разработать здоровые механизмы адаптации.

Заключение

В статье были рассмотрены психологические последствия войн и кризисов на поколения и механизмы передачи травмы между ними. Исторические события, такие как Испанская Гражданская война, Холокост и Вьетнам-

ская война, а также апартеид в Южной Африке, послужили основой для изучения влияния травматических событий на семейные динамики и наследственность.

Исследования показывают, что выжившие и участники агрессивных режимов могут передавать свои травмы на потомков, что приводит к наследственной травме. Этот процесс осуществляется через различные механизмы, такие как молчание, идентификация с родителями, культурные и семейные нормы, а также стили взаимодействия.

Понимание механизмов передачи травмы имеет важное значение для современного общества. Оно позволяет более глубоко осознать влияние исторических событий на психическое благополучие и поведение людей. Исследования наследственной травмы помогают осознать, что травматические события не заканчиваются с их фактическим завершением, а могут оказывать длительное влияние на несколько поколений.

Кроме того, понимание механизмов передачи травмы может способствовать разработке эффективных методов поддержки и лечения для тех, кто сталкивается с наследственной травмой. Это позволит лучше понимать потребности выживших и их потомков и помогать им в преодолении негативных последствий травматических событий.

Поле исследований в области психологии наследственных травм по-прежнему является активным и перспективным. Более глубокое понимание механизмов передачи травмы может потребовать дальнейшего изучения биологических и психологических аспектов, которые лежат в основе этого явления.

Также важно проводить исследования на более широкой географической и культурной основе, чтобы выявить общие и уникальные черты передачи травмы между различными народами и сообществами.

В целом, понимание психологических последствий и механизмов передачи травмы имеет большое значение для создания более осознанного, поддерживающего и исцеляющего общества, которое может помочь лечить раны прошлого и создавать здоровое будущее для следующих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бундало Н.Л. Актуальные вопросы этиологии посттравматического стрессового расстройства // Сибирское медицинское обозрение. 2007. №1. С. 3-10.
2. Бурлакова Н.С. Психическое развитие детей, переживших массовые бедствия: от изучения последствий к проектированию развития на основе культурно-исторического анализа // Национальный психологический журнал. 2018. №1 (29). С. 17-29.
3. Бурлакова Н.С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурноисторической клинической психоло-

- гии [Электронный ресурс] // <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/490>
4. Вертелицкая А.И. Трансгенерационная травма с точки зрения психоанализа // Молодой ученый. 2023. № 27 (474). С. 251-253.
 5. Психологическая травма: как она передается из поколения в поколение [Электронный ресурс] // <https://www.psychologies.ru/articles/psihologicheskaya-travma-kak-ona-peredaetsya-iz-pokoleniya-v-pokolenie/>
 6. Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 67–80.
 7. Хдери К.Ю. Евреи в Германии: зарождение и развитие идей антисемитизма // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2017. №4. С. 331-340.
 8. Шутценбергер А.А. Синдром предков. - М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 256 с.
 9. Ancharoff M.R. The legacy of combat trauma: Clinical implications of intergenerational transmission // International handbook of multigenerational legacies of trauma New York: Plenum Press. 1998. PP. 257-276.
 10. Danieli Y. International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. New York: Plenum Press. 1998.
 11. Felsen I. Transgenerational Transmission of Effects of the Holocaust: the North American Research Perspective // International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. 1998. PP. 43-68.
 12. Hartmann G. Children of Nazis: a psychodynamic perspective // International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. 1998. PP. 85-95.
 13. Hunter-King E.J. Children of Military Personnel Missing in Action in Southeast Asia // International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. 1998. PP. 243-255.
 14. Kestenberg J.S. Healing their wounds: Psychotherapy with Holocaust Survivors and their families Praeger // In P.Marcus and Rosenberg (Eds). New York. 1989.
 15. Lacapra, D. Representing the holocaust. New York: Cornell University. 1994.
 16. Miller A. The childhood trauma // Lecture at the Lescington 92nd Street YWHA in New York city. October 22. 1998.
 17. Ros G.A. Transmisión Transgeneracional del Trauma de nuestra Guerra Civil // Norte de Salud Mental. 2009. № 34. PP. 44–51.
 18. Rosental G. and Völter B. Three generations within Jewish and non-Jewish German Families after the Unification of Germany // International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. 1998. PP. 297-314.
 19. Schützenberger A.A. Health and Death: Hidden links through the family tree // Psychodrama with trauma survivors. 2000. PP. 283-298.
 20. Shatan Ch. Entrevista con el Dr. Shatan // Boletín no 0 de la Sociedad Española de Psicotraumatología y Estrés Traumático. Madrid. 2001. PP. 3-25.
 21. Simpson M. The Second Bullet: Transgenerational Impacts of the Trauma of Conflict within a South African and World Context // International Handbook of Multigenerational legacies of Trauma. 1998. PP. 487-513.
 22. Weinberg H. Trauma Groups: an overview // Group Analysis. 2005. № 38 (2). PP. 189-204.

© Мосунова Ксения Александровна (k.gubina.rod@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Международный институт информатики, управления, экономики и права